

5

Стокгольм:

Ингмар Бергман вновь ставит Ибсена

В своей постановке драмы Ибсена «Кукольный дом» известный режиссер стремился ввести в спектакль социальные реалии сегодняшнего дня.

Ивонне МАЛАЙСЕ

«ДАГЕНС НЮХЕТЕР», СТОКГОЛЬМ.

— **КАЖДОЕ** десятилетие должно иметь свою собственную Нору, собственного Хельмера. Именно в этом состоит решающий, побудительный мотив для постановки пьесы.

Так Ингмар Бергман объясняет свое решение поставить «Кукольный дом» Ибсена. Хотя премьера спектакля уже состоялась, мы вернемся к генеральной репетиции, чтобы увидеть и услышать известного режиссера, так сказать, «в деле».

Он сидит за режиссерским столиком в центре зрительного зала. Рядом — ассистент Ричард Лоофт. На сцене Пернилла Эстергрэн в роли Норы, Пер Маттссон — адвоката Хельмера, Эрланд Йозефсон — доктора Ранка (этот актер знаком советскому зрителю как исполнитель главной роли в фильме А. Тарковского «Жертвоприношение»). — Ред.), другие артисты.

Мы в доме адвоката Хельмера. Тихие звуки фортепьяно создают соответствующую атмосферу, как бы вводя зрителя в мир буржуазного общества конца прошлого — начала нынешнего века.

Три даты связаны с постановкой Бергмана: 1879, 1905 и 1989 годы.

В 1879 году Генрик Ибсен написал пьесу «Кукольный дом», которая в том же году с успехом была сыграна

Сцена из спектакля «Кукольный дом» в стокгольмском театре «Драматен». В роли Норы — актриса Пернилла Эстергрэн, адвоката Хельмера — Пер Маттссон.

Фото «Дагенс нюхетер», Стокгольм.

в Копенгагене. С тех пор пьеса живет на сценах мира вот уже 110 лет.

В 1905 году в искусстве возобладал и надежно утвердился скандинавский вариант стиля «югенд» с его витиеватыми линиями и стилизованными формами. Именно в этом стиле и оформлен нынешний спектакль. Причем каждый из трех актов имеет свою собственную цветовую характеристику. В первом доминируют мяг-

кие оливковые тона, во втором — темно-коричневые, в третьем, когда на сцене идет хаотическое развитие событий, — цветовые гаммы перемешаны...

Ну, а 1989 год — это начало театрального сезона, принесшего новый успех Бергману и удовлетворение почитающей его публике.

Известно, что в 1981 году Бергман уже ставил эту драму Ибсена в Мюнхене на сцене «Резиденцтеатер», где Нору играла Рита Руссек, а роль ее мужа — Роберт Атцорн. Шведские театральные критики, видевшие эту постановку, были в восторге. «Самая лучшая театральная работа Бергмана», — писали они.

Нет ли сходства между этими двумя работами режиссера?

— Нет, — отвечает Бергман. — Все другое. Одну и ту же пьесу нельзя поставить дважды одинаково. Конечно, содержание пьесы остается неизменным. Но при этом имеешь дело с новыми актерами, а в результате появляются новые возможности для образных решений.

Драма Ибсена поставлена на сцене «Драматен» в несколько сокращенном виде.

— Мы ничего существенного не сокращали, — говорит режиссер. — Но надо иметь в виду, что Ибсен был очень предусмотрительным автором. В его времена перерывы между актами были довольно продолжительными. Поэтому после антракта зрителей нужно было как бы вновь вводить в курс дела. Именно в этих «введениях» я и сделал некоторые купюры.

По Ибсену у Норы и Хельмера — трое детей. В постановке Бергмана у них только одна девочка Хильда. Режиссер по этому поводу замечает:

— В результате у нас Нора, уходя из дома, покидает одного ребенка, а

не троих. Мы это сделали сознательно. Зрителя больше захватывает страдание, когда оно обращено к одному покинутому ребенку, а не сразу к трем. Мы учли при этом и то, что ныне преобладают немногочетные семьи.

Когда «Кукольный дом» впервые был поставлен в прошлом столетии в Копенгагене, а через год в Стокгольме, вокруг пьесы разгорелись бурные дебаты. У одних она вызвала восхищение, у других — гнев и возмущение. Среди критиков драмы особо выделялся писатель Август Стриндберг, который затем в своей повести «Вступить в брак» подверг уничтожающим нападкам «женщину по имени Нора».

В наше время в связи со спектаклем «Кукольный дом» также не раз кипели страсти. В 1956 году в стокгольмском «Рикстеатерн» эта пьеса была поставлена режиссером Пером Акселем Браннером. Но режиссер изменил концовку спектакля, сделав ее счастливой. Общественность возмутилась. Браннер оправдывался тем, что воспользовался вариантом финала пьесы, который в 1890 году написал сам Ибсен специально для немецкой актрисы.

— Ибсена заставили тогда переделывать концовку вопреки его первоначальному замыслу, — заявляет Бергман. — Но это, естественно, значительно ухудшило пьесу. Не всегда хорошо то, что хорошо кончается...

Ингмар Бергман не удерживает «свою Нору» от ухода из семьи. Но в то же время он и не стремится создать отталкивающий образ ее мужа Хельмера.

— Важно, чтобы Хельмер не предстал таким отрицательным типом, — замечает он. — Ведь Хельмер и Нора оба — продукт и жертвы одной и той же социальной среды.